

Елена Мадден



НАШИ
ТРЁХЪЯЗЫЧНЫЕ
ДЕТИ



Русский язык вне России

Елена Мадден

Наши трёхязычные дети

«Златоуст»

2008

Мадден Е.

Наши трёхязычные дети / Е. Мадден — «Златоуст»,
2008 — (Русский язык вне России)

Книга описывает реальный опыт многоязычного воспитания в семье. Она адресована в первую очередь родителям. Представляет также интерес для специалистов: лингвистов и психологов, психолингвистов, социологов, педагогов. Наконец, может быть полезна всем, кого интересует многоязычие, этот феномен, становящийся из казуса – нормой современного мира. 3-е издание

© Мадден Е., 2008

© Златоуст, 2008

Содержание

Введение. Что в этой книге есть и чего нет...	6
I. Что было в начале	10
Многоязычное воспитание – зачем? почему?	11
На каких языках говорить: когда и где...	13
«Задержка» («нарушение») речевого развития?	17
II. О языке – и только. Вхождение в языки	20
Как они начинали говорить	21
Таблица: вхождение в язык(и)	22
Таблица: словарный запас в 2,5 года	27
«Выяснение отношений» с языками	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Елена Мадден

Наши трёхязычные дети

© Мадден Е., 2008

© ЗАО «Златоуст», 2008

* * *

Не так уж часто российские авторы письменно благодарят тех, кто способствовал их работе. В Германии же принято начинать книги благодарственным словом. Кажется, это хорошая традиция.

Я хотела бы поблагодарить Габриэля Суперфина: его советы сразу после рождения наших близнецов Алека и Ани положили начало знаниям автора о детском многоязычии. Чувствую себя благодарной Анне Альчук, прочитавшей «гендерную» и «литературные» главки. Благодарю Вадима Александровича Левина, Екатерину Юрьевну Протасову и Стеллу Наумовну Цейтлин, которые ознакомились с фрагментами книги и помогли её улучшить.

Спасибо всем мамам и папам, дедушкам и бабушкам многоязычных детей, а также некоторым взрослым мультилингвам – всем, кто делился с автором наблюдениями над феноменом многоязычия.

Елена Мадден

Введение. Что в этой книге есть и чего нет...

Моему мужу, которому хотелось наблюдать, как развивается язык детей.

«Сложному ребёнку» Александру: это его проблемы требовали решений.

«Лёгкому ребёнку» Ане: благодаря ей верилось, что детское многоязычие – реально...

Где обычно ищут поддержку и совет родители многоязычных детей?

• Мама и папа, которым выпало на долю растить мультилингвов, могут обратиться к детскому врачу и получить направление к логопеду или другим специалистам из тех, что отвечают за правильное речевое развитие ребёнка.

Однако там родители, с большой долей вероятности, встретятся с одной из двух крайностей.

Одна из них – уверенность, что многоязычие... вредно. С нею столкнулись мамы двух детей из нашей детсадовской группы (один мальчик растёт в немецко-тайской семье, другой – в курдско-турецкой). Мамам было рекомендовано перейти на язык страны проживания. Они послушались, немецкий у детей улучшился... За счет материнского языка! Выровнять положение пока не удаётся. (Если родители отказались от родной речи, вернуться к ней позднее очень трудно: дети повторной смене языка отчаянно сопротивляются.)

Другая крайность – этакое беспечное благодушие, никуда не ведущий оптимизм. С такой реакцией встретились мы. «Дети всё-таки три языка осваивают, чего вы от них хотите, – было сказано нам. – Нужно ждать, ничего особенного предпринимать не надо...» Но бездельная вера – слабое утешение для мамы и папы, если они видят, что самому ребёнку неуютно, плохо в скорлупе его молчания.

Специальной квалифицированной подготовки для работы с многоязычными детьми даже логопеды (немецкие Logopäden, Sprachheilpädagogen, Pädaudiologen) чаще всего – всё ещё! – не получают. Порой представления о многоязычном воспитании остаются теми же, что и полвека назад. и даже – увы! – в столице Германии (где мы живём).

Да и не только в Германии... Авторы одного из справочников о многоязычии, работающая в Англии француженка Эдит Хардинг-Эш (Edith Harding-Esch) и англичанин Филип Райли (Philip Riley) – он работает во Франции – иронизируют над родителями, которые просят своего доктора проконсультировать их по вопросам билингвизма: в таких просьбах «столько же смысла, сколько в попытках задавать ему вопросы о вашей машине».

• Не все родители найдут мужество знакомиться с сугубо научными книгами. Тут нужны время, специальная подготовка или хотя бы настрой пробираться сквозь текст, насыщенный специальными терминами и возбуждающий интерес в первую очередь теоретический...

Есть, правда, ещё справочники для родителей и воспитателей многоязычных детей. Немецкий, «Wie Kinder mehrsprachig aufwachsen», составила Элке Бурхардт Монтанари (Elke Burhardt Montanari), а издало Общество двунациональных семей и партнёрских союзов (iaf). Из англоязычных наиболее известен «A Parents' and Teachers' Guide to Bilingualism», изданный в серии Multilingual Matters. Он написан профессором Колином Бейкером. (Colin Baker не только автор многих книг о двуязычии, но и соредатор Энциклопедии двуязычия и двуязычного образования.) Английская книга обширнее, в ней, при всей простоте изложения, чувствуется солиднейшая научная база.

Только вот беда: во многих городах почти все эти и подобные им издания труднодоступны. Например, даже в крупнейших библиотеках Берлина английских справочников по дву-

язычию нет: ни книги Бейкера, ни руководства «Growing Up with Two Languages» Андерссона, ни изданного Кембриджским университетом справочника «The Bilingual Family» Хардинг-Эш и Райли. Нет и большинства книг Екатерины Юрьевны Протасовой, открывающих огромный мир детского многоязычия для русских читателей, – исключение, пожалуй, последняя, созданная в соавторстве с Н. М. Родиной и адресованная воспитателям дошкольных детских учреждений («Многоязычие в детском возрасте»)...

Впрочем, справочники удовлетворят далеко не всех родителей. Многим нужны даже не столько рекомендации, сколько картины быта многоязычной семьи; пожалуй, для большинства пап и мам живой опыт – лучший путеводитель.

Кажется, наиболее полно отвечает родительским потребностям документальное изложение опыта отдельных семей.

Правда, наиболее известные книги такого типа написаны опять-таки учёными (и по совместительству – родителями). Это обстоятельные научные исследования, сосредоточенные на специальных проблемах.

Книги, адресованные родителям, понятные всем и легкие для чтения, редки. Такова, например, книжечка «Zweisprachige Kindererziehung» мамы-француженки Сильвии Жонки и профессора-романиста Бернда Кильхёфера (Bernd Kielhöfer, Sylvie Jonekeit).

Книга хороша, вот только язык (немецкий) сужает круг её русских читателей. А если они всё же прочитают её, то, скорее всего, с завистью и горечью: как у них там всё легко и просто складывалось! Немецкий и французский языки принадлежат к одной романо-германской группе – русский и немецкий или русский и английский отстоят много дальше друг от друга, ясно, что опыт у родителей совсем другой...

• Мамы маленьких мультилингвов могут обсудить свои проблемы в группах встречи матерей (Müttertreff) или на интернет-форумах. Например, на страницах сайтов <http://www.nanya.ru>, <http://www.mama.ru> можно начать специальный топик – разговор на тему, которая маму интересует; недавно я случайно открыла для себя публичное обсуждение темы двуязычия в «живом журнале» Вадима Левина (www.livejournal.ru/celebrities/user/vadimlevin). Здесь, без сомнений, открывается огромный, неисчерпаемый источник опыта.

Но... нет гарантии, что случай сведёт с нужными людьми именно в нужную минуту. Что среди новых знакомых, реальных или виртуальных, встретятся те, кто столкнулся с похожими проблемами. Тем более – что найдутся те, кто действительно знает решение. (Вероятность же того, что они окажутся ещё и начитаны в литературе о многоязычии, поистине ничтожно мала...)

Я и сама однажды написала отчаянное письмо на один из форумов.

Нашему сыну было больше двух лет, а он всё ещё не говорил. Я отыскала в архиве топик с нужной темой. Однако тревоги не были сняты: мой случай не был похож на описанные.

Форум активно посещали мамы из русского зарубежья (они буквально толпились там!) – и я решилась написать. Мне казалось, я найду и «подруг по несчастью», и советчиц.

Мне не повезло. Тогдашних посетительниц веб-странички, видимо, занимали другие темы. Я получила всего лишь пару ответов. Одна из форумчанок выражала уверенность, что ребёнок непременно заговорит. Другая вспоминала, что её дочка заговорила как-то «сама собой» – маме не пришлось прилагать никаких усилий. Обратная связь обманула ожидания...

А в моём ближайшем окружении не оказалось родителей с аналогичным опытом. Да что там – не было даже и тех, кто задавался бы вопросом, как развивать язык ребёнка-мультилингва.

Мое настроение колебалось между паникой и отчаянием, я не знала, что делать, чувствовала себя беспомощной...

* * *

Какой ценой далось нам «многоязычное воспитание»... А ведь можно было бы избежать изматывающих страхов и тревог, может быть, избежать и ошибок. Если б вовремя оказалась под рукой книжка-ориентир.

Книга, которая объяснила бы, что с нашим ребёнком происходит. Может быть, даже указала бы надёжный путь...

Книга, где и объяснения, и советы основывались бы на конкретном опыте многоязычной семьи. И, вместе с тем, учитывались бы те знания, что может дать лишь наука. Не книга-«исследование» с центром тяжести в области чисто научных проблем – скорее, отчёт о живом родительском опыте!

И не только опыте удач! Хотелось бы, чтобы это была книга, рождённая из тревог и забот, из страхов, проблем, ожиданий, разочарований...

«Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича...»

Мне не доставало такой книги – пришлось самой написать её.

Я вела дневник (после того, как детям исполнилось два с половиной года, более регулярно), параллельно много читала – всё, что удалось найти о многоязычии на трёх языках. К тому времени, когда, наконец, появилось время разобраться в дневниковых записях, прочитала достаточно, чтобы самой выступать с лекциями и проводить консультации для родителей многоязычных детей.

* * *

О «научном» и «ненаучном» в этой книге стоит сказать несколько слов отдельно.

Автор – **во первых, мама. Во-вторых** – хотя и филолог, но не лингвист, а **литературовед**. Отсюда некоторые особенности книги.

«Во-первых, мама» – потому необходимая объективному наблюдателю дистанция достигается разве что постфактум и постепенно. Письма друзьям, дневниковые записи – первая попытка отстранения, а вторая – размышления над дневником (сопоставление записей разного времени или сравнение нашего опыта – и описанного в книгах). Изначально же – «позиция» даже не «включённого», а, так сказать, «втянутого» наблюдателя. Втянутого – в разговоры с детьми и игры, в проблемы и их решения...

Смысл наблюдений за детьми для мамы – в общем-то, прагматический. Он вытекает из целей любого родителя: раскрыть, развить индивидуальные возможности многоязычного малыша, помочь ему быть если не счастливым, то уверенным в себе.

В речи детей интересовали большей частью узловые моменты. Явные успехи или явные провалы: то, что радует, ещё больше – то, что тревожит. (Всё, что помогает общению; всё, что мешает.)

Неудивительно, что в этой книге нет систематических языковых наблюдений... Читаю книги немецких родителей-исследователей – и ловлю себя на мысли: не могу представить себя рядом с детьми – и с карандашом в руке, отмечающей порядок овладения фонемами. Или подсчитывающей частоту употребления тех или иных форм. Или транскрибирующей магнитофонные записи разговоров...

Причина, видимо, ещё и в том, что мама – «во-вторых, литературовед». У мамы-литературоведа – особый круг интересов. Внимание направлено не на медленное и постепенное наращивание языковых возможностей детей. Помимо развития речи (или: за ним) хочется увидеть другое: становление личности / характера маленьких людей, их вхождение в культуру, в общество.

Итак, цели, фокусировка зрения, оптика языковых наблюдений (инструмент не микроскоп, разве что, может быть, лупа)... – по всем признакам эта книга – не «исследование» детского двуязычия, как в большинстве документальных описаний двуязычного воспитания.

Однако именно такая книга – хочется надеяться – будет интересна и полезна родителям.

Впрочем, хотя эта книга – прежде всего для родителей, она, надеюсь, всё же будет небезынтесна и специалистам. Ведь круг специального чтения постоянно присутствует в подтексте – родительские заботы соотнесены с теми проблемами двуязычного воспитания, что видятся с позиций науки.

Насколько наш опыт общеинтересен (универсален)?

Наша семья как бы **объединяет** в себе **два основных типа семейного многоязычия**. Первый вариант – с разноязычными родителями, один из которых говорит на языке окружения. Во втором варианте оба родителя говорят на языке, отличном от языка среды. Наш опыт представляет комбинированный случай: смешанная (двуязычная) семья – в иноязычном окружении. Кажется, наш опыт включает большинство проблем, которые могут возникнуть как в первом, так и во втором случае. Позволяет он и оценить большинство советов, которые обычно даются семьям с детьми-мультилингвами. Подтвердить или опровергнуть аксиомы, оценить эффективность путей и частных решений...

И последнее. Хотелось избежать как голых фактов, так и однозначных толкований. Отсюда – **двойной угол зрения**: главы-размышления продолжает «Хроника».

«Тематическая» часть (обобщения личного опыта и размышления над книгами специалистов, наш семейный поиск путей и выходов) будет интереснее тем, кто ищет в подобных книгах «эссенций» – тем, кому нужны интерпретации опыта, рекомендации.

«Дневниковая» часть адресована тем, кто предпочитает размышлять над фактами сам. Примеры из моего родительского дневника в тексте первой части выделены курсивом. Читатель волен проверить выводы и, может быть, придёт к другим заключениям.

Читайте, сравнивайте, думайте...

I. Что было в начале

Мама – русская, папа – американец, дети... немцы.

Как ни странно, потребовалось время, чтобы понять: наши дети входят в язык по несколько необычной схеме. Есть семьи, где родители говорят на разных языках. Есть и другие – где в семье используется язык иной, чем язык окружения. В нашей семье случай свёл обе основные модели детского речевого развития.

Примерно до 2-х лет наши дети были погружены (практически) лишь в два языка, развивались по схеме «двуязычные дети в смешанной семье».

В детском саду им пришлось столкнуться с новым языком. Это значит: после двух лет им пришлось пережить те же стрессы, что и детям, которые попадают из одноязычной семьи в среду чужого языка.

Потому и пришлось в какой-то момент задуматься над нашими проблемами и «ревизовать» наши решения «на распутьях». Начиная с самых первых проблем. И с самых первых решений.

Многоязычное воспитание – зачем? почему?

Папа детей – филолог (германист и скандинавист). Правда, это его второе образование, поначалу он готовился делать фильмы или, по крайней мере, писать о них. Мама – тоже филолог, по специальности – литературовед. Не психолингвист, не социолингвист, не имеет отношения и к контактной лингвистике – короче, не представитель наук, в рамках которых традиционно изучается многоязычие.

Почему я подчёркиваю всё это? Многоязычие наших детей никогда не было частью исследования или эксперимента (как это нередко случается с лингвистами: родители продолжают свою научную работу в воспитании детей...). Оно также и не «династическое» (как в семьях потомственных музыкантов: ребёнок в 4 года получает в руки свою первую скрипку) – мы не ставили задачи растить с пелёнок филологов-мультилингвов.

Мы вообще не связывали с воспитанием детей каких-либо амбиций. Ведь как это бывает порой? Родители планируют судьбы отпрысков, пытаются исправить собственные ошибки и осуществить неисполнившиеся желания. Чада должны знать и уметь больше родителей, добиться того, чего те не смогли достичь, сделать головокружительную карьеру и наслаждаться плодами жизненного успеха... Мы таких целей не ставили.

А как насчёт полного развёртывания потенциала маленького человечка? Звучит заманчиво. Прекрасная цель – если только при этом реального ребёнка в мечтах родителей не заслоняет умозрительный (с неисчерпаемыми возможностями). Тут опять-таки важно вовремя распознать СВОЮ потребность гордиться «звёздными» детьми... У нас, родителей, по счастью, такой потребности не было.

Короче, нам не хотелось, чтобы наши малыши оказались заложниками некоего идеального образа, неважно, питается он несбывшимися родительскими мечтаниями или завышенными – из-за переоценки детских возможностей – ожиданиями...

Перечитала – и подумалось: не надо бы иронизировать над иными, чем у нас, целями. Пусть даже неожиданными, если не экстравагантными. Один, переводчик, чувствует, что родился «не в той» стране, «не с тем» языком. Другой, кибернетик, видит жизненную задачу в том, чтобы бороться с гегемонией английского, с «англицистским засорением окружающей среды», – и потому говорит с дочерью на эсперанто... Кто упрекнёт родителей, поддавшихся сильной страсти? в конце концов, они своей цели, скорее всего, достигнут – и вовсе не обязательно за счёт детского счастья.

Речь должна идти только о том, что всё это – не наш случай.

Всё очень просто. Многоязычие наших сына и дочери оказалось для нашей семьи жизненной необходимостью.

Дело не в том, что мы недостаточно хорошо владеем языком страны проживания. Мы оба бегло говорим по-немецки. Отец детей – профессиональный переводчик, больше 20 лет работает на немецком телевидении и в киноиндустрии (переводит и адаптирует сценарии, субтитры...). Я написала по-немецки несколько работ, несколько лет занималась редакционной работой при вещающей за рубеж немецкой телерадиостанции...

Просто каждый из нас хотел говорить с детьми на родном языке. Здесь мы чувствуем себя в своей стихии – нам казалось, наше общение с детьми только на родном языке будет полноценным, по-настоящему свободным и глубоким.

На меня произвёл сильное впечатление набросанный Тове Скутнабб-Кангас сценарий отдаления взрослеющего ребёнка от родителей (Skutnabb-Kangas T. Bilingualism or Not, 1980). Вот он вкратце: эффекты переходного возраста усугубляются трудностями общения на чужом для родителей языке. Неродной язык оказывается слишком грубым инструментом для разговора о сложных материях. Кроме того, подросток стыдится родительской неадекватности в их

втором языке: стыдится несовершенного (поскольку неродного) второго языка родителей...
Дочитав книгу, я подумала: мы сделали правильный выбор.

Да, собственно, был ли у нас выбор? Даже и знай мы уже в самом начале все аргументы «против», все ожидающие нас проблемы, всё равно стали бы пробовать. Потому что говорить с детьми на родном языке было для каждого из нас, родителей, просто-напросто естественно.

На каких языках говорить: когда и где...

Мы с самого начала строго следовали принципу «Один родитель – один язык». Его обычно ассоциируют с именем Жюля Ронжа́ (Jules Ronjat). Французский лингвист и один из «пионеров» двуязычного воспитания вместе с женой-немкой вырастил двуязычного сына и рассказал о семейном опыте в книге-дневнике 1913 года.

Строго говоря, в основе педагогики Ронжа лежали идеи его коллеги Мориса Граммо (Maurice Grammont) о строгом разделении языков. Авторские права, таким образом, принадлежат Граммо, советы которого Ронжа опробовал, а позднее и пропагандировал. (Он воплощал их в жизнь настолько последовательно, что доводил иногда почти до абсурда или до курьёза: на вопрос четырёхлетнего сына: «Как сказать по-немецки *тень*?» – отвечал: «Спроси лучше у мамы, когда она вернётся»...)

Принципу, во всяком случае, уже около 100 лет, он проверен опытом многих двуязычных семей.

Он оправдал себя и в нашей практике.

Следовать идее, по первому впечатлению такой ясной и простой, нетрудно – пока дело не доходит до конкретных ситуаций; тут и возникают вопросы.

Например: на каком языке говорить друг с другом родителям?

Прямого ответа на этот вопрос в книге Жюля Ронжа нет. Правда, из описаний следует, что родители двуязычного мальчика Луи говорили между собой по-немецки. При том, что проживали во Франции. Позднейшие исследователи находят это решение вполне справедливым: таким образом обеспечивалась поддержка «слабого» языка.

Однако оба наших языка – «слабые» в Германии...

У нас поначалу в качестве общего языка родителей определился немецкий. Почему? К моменту рождения детей мой английский был скорее письменным: был изучен самостоятельно по грамматикам и «освежён» чтением литературоведческих книг и классической литературы прошлого и позапрошлого веков.

Над моим «викторианским» словарным запасом папа детей посмеивался – но и его русский почерпнут из классики. И, опять-таки, из грамматик. Наш папа непременно хочет не просто общаться по-русски, но и говорить правильно – и ужасается изобилию исключений из правил. Несмотря на многолетние усилия, интерес и талант к языкам, именно с русским этому филологу по призванию и полиглоту оказалось нелегко справиться.

Потому и выбрали мы (поначалу) такую стратегию: родители говорят с детьми на своих родных языках, а друг с другом – на языке страны, где живут.

Два языка для детей и третий – для родителей... Постепенно выяснялись неудобства такого решения. Как быть, если, скажем, мама посылает ребёнка к папе с поручением? если папа не может заняться проблемой и отсылает детей к маме (и т. д.)? Хорошо, если ребёнок знает достаточно слов, чтобы переводить с языка на язык; а если ещё нет? Иногда у нас разыгрывались сценки довольно нелепые...

Глупые ситуации с нашим немецким третьим. Сама не могу дать Алеку персик (занята с Аней) – предлагаю пойти к папе и попросить (и демонстрирую как; ошибка?). Алек бежит, просит по-русски, М. не понимает – я вынуждена кричать из другой комнаты по-немецки, что ребёнок хочет einen Pfirsich. М., поняв, переспрашивает: «Do you want a peach?» Что за представление должно сложиться у ребёнка? языки, полностью непригодные для общения... (2+9)

Не вполне ясно, в какой мере дети воспринимают высказывания, не им адресованные. Усваивают ли они обособленный язык родителей? Одни авторы отрицают это, другие подтвер-

ждают (и объясняют интересом ко всему «тайному», не предназначенному для детского слуха). Первые два года нам казалось, что наш немецкий в речи детей никак не отразился. Потому мы и поторопились отвести их в немецкий садик: считали, малыши должны начать знакомиться с языком окружения.

Однако неожиданно для нас немецкий наших детей очень быстро усилился.

Через пару месяцев после трёхлетнего юбилея наших близнецов Алека и Ани мы обнаружили, что языком их общения стал именно немецкий. Наши же родные «наречия» начали отходить на второй план, в тень, размываться – «стушевались», если вспомнить словечко, придуманное Достоевским.

Потому немецкий как орудие нашей, родителей, коммуникации совершенно перестал нас устраивать.

Когда детям исполнилось 4+3, мы попробовали перейти на новую систему: отец говорит всегда по-английски, мать – всегда по-русски. Хотя бы только в присутствии детей и о том, что их касается. (Взрослые же проблемы всегда можно обсудить по-немецки наедине; это даже и разумнее: в этом случае мы уделяем внимание «взрослым» темам не за счёт «детского» времени...)

Последовательными мы не были; то и дело возникали ситуации (непонимание, сложность вопроса, спешка и т. д.), когда приходилось возвращаться к немецкому. Всё же, я думаю, новая стратегия принесла плоды. Во всяком случае, она повысила ценность наших языков в глазах детей (языки выглядели теперь как полноценное «средство общения»). Новая система повысила, кажется, и «рейтинг» самих родителей. Дети видели: папа и мама тоже учатся говорить правильно; то есть мы являли собой некий поведенческий образец...

Язык общения родителей не единственная деталь разделения языков, о которой Ронжа умалчивает. Некоторые тонкости удобнее обсудить в другом месте; здесь же остаётся поразмышлять о том, какой язык выбирать в присутствии посторонних.

* * *

Авторы справочников по многоязычию (например, упомянутые выше Элке Буркхардт Монтанари, Колин Бейкер) советуют родителям не отказываться от родного языка даже и на детской площадке, на улице, в магазине и т. д. – то есть в присутствии коренных жителей страны. Иначе у малышек сложится впечатление, что родной папин или мамин язык – непристойный, родители его стесняются. Со временем это «открытие» может привести к тому, что и сами дети будут стыдиться «утаиваемого», недостойного демонстрации языка (а заодно и родителей, на нём говорящих).

Это разумный совет, и мы ему в целом следовали. Папа детей без раздумий и с лёгкостью. Я – без колебаний и даже не без некоторого внутреннего сопротивления.

Многие русскоязычные родители Германии затрудняются публично говорить на родном языке. Главная причина лежит в отношении немцев к многоязычию и к иностранцам.

Германия – моноязычная страна; от родителя-иммигранта (если это не европеец и не американец) ожидают, что он перейдёт на немецкий, причём это должен быть немецкий «чистый». Ценность многоязычия официально признаётся, но от официальных деклараций массовые настроения сильно отличаются...

Скинхеды и симпатии к новым наци не миф даже в «мультикультурном» Берлине. Это, конечно, крайность; однако и среди обывателей настороженное отношение к иностранцам – и их языкам – не редкость.

Не так давно родители и ученики одной из берлинских школ (из тех, где процент немцев – по рождению – особенно высок) приняли большинством голосов решение: говорить в школе исключительно по-немецки, и не только на уроках, но и на переменах. Знакомые немцы

высказывались об эпизоде с однозначным одобрением. Знакомые русские всё больше порывались писать письма протеста...

Даже специалисты поддерживают «тренд»: умы направляет языковая ситуация турецкого меньшинства, поколениями не выучивающего немецкий. На одной из берлинских конференций о детском многоязычии («Sprich mit mir in all meinen Sprachen!», 2006) докладчица заявила: работникам детских учреждений неплохо «хотя бы иногда» демонстрировать умение говорить на «языке большинства». Слушатели разразились горячими – *бурными и продолжительными* – аплодисментами... Можно было подумать, германские воспитатели и учителя сейчас говорят преимущественно на языке «меньшинств»! Но это, конечно, не так.

Разве только в немецких книгах о двуязычии «некорректные» языковые предписания под запретом. Здесь скорее находишь призыв: пусть в учреждениях, которые посещают многоязычные дети, будет ХОТЯ БЫ ОДИН специалист, знающий родной язык детей.

Настроения «большинства» затрагивают в первую очередь турок, поляков... Но и русских – тоже. Навязывая в зубах фраза «Русские идут!» (с подтекстом «Внимание: опасность!») звучит в последнее время с особенной остротой. Причин тому, как и фактов-раздражителей, много: тут и новости из России, и стиль жизни «новых русских» на европейских курортах, и поведение трудных подростков из «русских немцев»...

Понятно, почему множество русскоязычных пап и мам на улице не хотят говорить с детьми по-русски: попросту боятся раздражённой реакции (а то и агрессии) со стороны «коренного населения».

Справедливости ради надо сказать, что далеко не во всех немецких федеральных землях или городских районах родители опасаются публично обнаруживать верность родному русскому. Например, в Берлине, особенно в «нашем» этнически пёстром Пренцлауэр Берге, отношение к родителям-иммигрантам толерантнее, чем, скажем, где-нибудь на юге Германии – папам и мамам легче быть последовательными и говорить на родном языке всегда и повсюду.

Однако есть ведь и иные сдерживающие моменты. Многим русским родителям свойственна ещё и совестливая оглядка на восприятие окружающих. *Тем, кто не знает нашего языка, может показаться, что мы их обсуждаем, а это ощущение не из приятных! не сочтут ли нас невеждами, ведь говорить на незнакомом присутствующим языке – «дурной тон»? не выгладим ли мы в глазах хозяев бесстыдными незваными гостями, пришедшими со своим уставом в чужой монастырь? а то и вовсе «оккупантами»?..* и т. д. Все эти соображения нередко высказывают русские мамы и папы Германии, как только заходит речь о том, на каком языке говорить вне дома. Эти сомнения, видимо, знакомые большинству, присутствуют в той или иной пропорции в сознании или подсознании хотя бы слабой тенью.

Итальянцам, французам и особенно англичанам и американцам все эти «комплексы», скорее всего, неведомы...

Поневоле склоняешься к выводу: рекомендацию быть верным родному языку стоило бы применять несколько более гибко, чем советуют справочники.

Кажется, правильная формулировка принципа была бы такой: если что-то и надо демонстрировать, то вовсе не неколебимое уважение к собственному языку и не принципиальное уважение к языку среды, а уважение к (невольным) слушателям и готовность согласовать их интересы со своими. Одним всё равно, на каком языке папа или мама разговаривают с сыном или дочерью, другие беспокоятся, не о них ли речь идёт, третьи хотят лишь удовлетворить любопытство – достигнув своего, с тем большим уважением отнесутся к «чужезычным» родителям.

То есть важнее всего проявить гибкость, понимание ситуации и (добрую) волю к предупреждению конфликтов.

Я и многие мои знакомые говорим с детьми по-русски всегда. Но при этом поясняем присутствующим немцам, о чём речь, если разговор их касается или если видно, что наша

языковая обособленность им неприятна. И, конечно, вдаёмся в объяснения, если окружающие (чаще всего дети) прямо спрашивают, на каком языке и о чём мы говорим.

«Задержка» («нарушение») речевого развития?

Факт остается фактом. Нам с Гошей на 2-летнем контроле вклеили этот диагноз. Меня же перепугали до полусмерти. Грубо говоря – у ребёнка дичайший «дисбаланс» развития. Тесты на психологию рисунка и логику он выполнил для 4-хлетнего ребёнка. Тесты на понимание речи и коммуникацию – менее чем для полуторалетки, ближе к годовалому. На просьбу врача «положить мячик из кучи на стол» ребёнок взял ближайшую игрушку из этой кучи и никуда её не положил, а зажал в лапке. О том, что ребёнок двуязычный, причем преимущественно русскоязычный (система «язык семьи – язык окружения»), врач знает. Тесты были на немецком (до этого похода к врачу я была уверена, что ребёнок понимает немецкую речь. Во всяком случае, повода засомневаться в этом ранее не было). Вопрос – что делать? От врача я ушла, сдерживая рыдания, а потом долго плакала в коридоре, уткнувшись Гошастому в пузо. Рекомендаций или советов по коррекции ситуации не было. Где-то там на задворках понимаю, что врачу, который видел Гошу 2-й раз в жизни, в категоричных диагнозах доверять вряд ли стоит. Но все-таки его работа и заключается в относительной оценке детей, проходящих «контроль». Безумно испугала фраза, что эта ситуация – лишь «верхушка айсберга» грядущих проблем. Каких? Чем это грозит? Что делать? ЧТО ДЕЛАТЬ?! что с моим ребёнком? :(Окончательно впавшая в панику через 4 дня после визита к врачу...

Нам 2 г. 5 м., тоже не говорим, только повторяем отдельные голоса животных, да и то не всех.

Нам 2 и 5. Ходили к неврологу, пили глицин и пантогам, ходили на массаж и физио. В итоге после двухнедельной дрессировки я научила его говорить слово «буду». Сейчас его активно использует, а дальше – молчок.

Из форумов

Есть расхожее мнение, что многоязычные дети начинают говорить позже и отстают в речевом развитии. По крайней мере, до определённого возраста.

Время от времени это мнение опровергается – авторами некоторых книг-«дневников». Также и Э. Монтанари, составитель немецкого справочника о многоязычном воспитании, на вопрос, начинают ли дети-мультилингвы говорить позднее, отвечает однозначно: «нет».

Однако «стереотип» всё-таки подтверждается в быту многих семей. Так было с детьми большинства моих знакомых. В том числе писателей...

Наблюдения родителей поддерживаются и специалистами.

Франсуа Грожан (Francois Grosjean, один из наиболее авторитетных специалистов по многоязычию, во всяком случае, в англоязычном пространстве) считает: нельзя сравнивать маленьких мультилингвов с одноязычными детьми. И приводит выразительную метафору: представим трёх спортсменов – берущего барьеры, занимающегося прыжками в высоту и бегающего на короткие дистанции. Несправедливо судить первого в соревнованиях по бегу так же, как двух других (ждать, что он будет прыгать так же высоко, как прыгун-профессионал, и бегать так же быстро, как спринтер). Ведь он мастер только в своём деле.

Зузанне Дёпке (Susanne Dörpke, «One Parent One Language») уточняет: многоязычный ребёнок сравним в речевом развитии с детьми страны, где живёт, но опаздывает по сравнению с детьми стран, где население говорит на других его языках. (Короче и точнее можно сформу-

ликовать так: многоязычные дети сравнимы с одноязычными в сильном языке, а вот в слабом – запаздывают.)

А у нас?

У нас «проблема слабого языка» заявила о себе некоторое время спустя после начала посещения детского садика. Слабыми вдруг оказались (или показались нам?) наши домашние языки! Наш сын почти не продвигался в русском и английском. Он начал заметно отставать даже от сестры-близнеца.

В 2+2 он очень медленно усваивал новые слова – так что я писала в дневнике о «слове месяца», «которое он мычит несколько недель подряд, потом оно вытесняется другим (из простейших: дай, о'кей и т. п.)».

В 2+4 сын пугал нас, «повторяя» не те звуки, что мы просили (loop в его изображении звучало как «муть»). Нас беспокоило, что Алек не называет, а «мычит и показывает пальцем, что нужно»...

Постепенно тревоги отпускали. Но не уходили совсем. Время от времени замечалось обескураживающее:

Дети играли в игру: быстро открывали лицо и кричали слова – я видоизменила «правила»: отрывая ладони от лица, произносила слово – и просила повторить и показать, где то, что этим словом обозначается. Тут и выяснилось, что Алек

1) похоже, не различает «попу» и «пол» (а заодно и «папу»), «стену» и «спину», т. е. плохо различает звуки?

2) моментально забывает слова (это когда я начала чередовать их, чтобы проверить наблюдение: стена – пол – стена – пол...). (2+6)

Разочаровывающее, если не пугающее (Алек):

спрашиваю – по картинке к сказке о репке, – за кого держится дедка, бабка и т. д. – каждый раз отвечает «машина» (?!);

вечером не смог повторить слово «принеси»;

часы назвал «очками»;

на дальнейшие попытки разговаривать (повторяли стишки) отвечал «не умею» (почувствовал, что проверяют, не уверен?). (3+6)

Играли в разбойника и полицейских. Разбойниками были папа, я, наконец Аня (Алек был «жертвой») – тут всплыли обескураживающие факты: Алек не смог описать «преступника»! Был он высокий? – Да. («Разбойник» кричит из укрытия: «Нет!») Во что одет? В штаники? в платье? – Алек не знает. (Аня из укрытия: «Платье!») И цвет платья не назвал: заявил с неуверенной интонацией: «Чёрный». (Аня кричит: «Красный! Красный!» – и добавляет: «С собаком!») В общем, спрятавшийся разбойник сам себя описал... В чём тут дело? В плохой памяти, недостатке внимания? Не только; он ведь и пол разбойника не назвал! («Был разбойник мальчиком?» – Алек с готовностью: «Да!» Аня, спрятавшаяся в другой комнате: «Нет! Я была девочкой!»)

В тот же день, когда играли «в слова» (вспоминали для вещей, на которые указывала, названия по-русски и / или по-немецки), Алек на просьбу назвать занавеску (на которую я показала), ответил (неверно) «orange», а на предложение вспомнить, что за занавеской, задумчиво произнёс: «White... blau-white» («уточнил», когда заметил, что я удивилась). Отодвинули занавеску – поправился: «Зелёный» (о юкке). 1) Похоже, он всё-таки забывает слова. 2) неужели он понимает меньше, чем мы думаем? 3) Возможно, он соображает медленнее, чем требует заданный темп вопросов. 4) к вопросу о медлительности: мне кажется, перед занавеской я показывала оранжевую

кукольную юбку и просила назвать цвет, – т. е., может быть, сын называет цвет следующего предмета по инерции. 5) а может, он называет первое, что в голову приходит, в надежде, что случайно «попал в точку»...

В любом случае, его словарный запас не так велик, как хотелось бы, значения слов не точны – они, похоже, проясняются для него из контекста [...].
(4+3)

II. О языке – и только. Вхождение в языки

Задержка речевого развития, нарушение развития – для любой мамы страшные слова. Так начались (и уже не прекращались): чтение и обмен опытом, наблюдения, сравнения... И размышления: в самом ли деле отстают дети в языке (языках), и если да, то насколько? правильно ли идёт развитие, нет ли нарушений (и если есть, то насколько они серьёзны)? Нужно ли сделать скидку на «многоязычное воспитание»?.. А может, оно и есть причина бед? И так далее – и конца размышлениям не предвидится...

Чтобы на эти вопросы ответить, надо бы, прежде всего, увидеть языковой рост многоязычных детей на фоне развития «среднего» одноязычного ребёнка. То есть надо бы для начала «забыть» о многоязычии и проследить развитие каждого из языков по отдельности. Как бы принять «кочку зрения» «типичного» (одноязычного) педагога или логопеда.

Затем стоит присмотреться к тому, что происходит, когда языки встречаются и взаимодействуют друг с другом. «Взять под лупу» явления на стыке языков.

Только после того, как речевые проблемы детей станут очевидны и суть их понятна, можно будет думать о том, с чем они связаны. В какой степени влияет на них многоязычие...

Как они начинали говорить

Есть ли какие-то *нормы* языкового развития? Если вопрос сформулирован так, любой специалист ответит однозначно: нет! Даже если речь идёт об одноязычном ребёнке.

Одни дети начинают говорить рано (и сразу же много и правильно), другие долго молчат. Среди последних, кстати, немало гениев: Ньютон, Эйнштейн, Прокофьев... (Потому, кстати, торопиться с выводами о нарушениях в интеллектуальной сфере не надо; зато напрашивается предположение, что многое зависит от специфических способностей – к языку.)

Языковое развитие индивидуально. Тем не менее, в книгах психологов и психолингвистов или «онтолингвистов»¹ можно найти схемы и таблицы, «размечающие» путь в язык, называющие возраст, в каком ребёнок приближается к той или иной вешке. С оговорками, что имеются в виду усреднённые данные, с вариантами, с «погрешностью» до нескольких месяцев – возрастные ориентиры всё-таки приводятся! Из таких книг и взяты для сравнения представления о «типичном» языковом развитии.

¹ «Онтолингвистика» – наука о становлении языка ребёнка. Термин введён на кафедре детской речи РГПУ им. А. И. Герцена, которой руководит профессор, доктор филологических наук Стелла Наумовна Цейтлин. С. Н. Цейтлин – руководитель Всероссийского семинара по онтолингвистике.

Таблица: вхождение в язык(и)

Большинство терминов ниже в таблице интуитивно понятны. Пояснять приходится немногие.

Модулированный лепет – комбинации звуков, к которым добавляются разнообразные интонации. **Вокабулы** (в лексиконе зарубежных исследователей) – звуки, которые ребёнок повторяет в определённых ситуациях. **Лепетные слова** – сочетания звуков, имеющие смысл (они – знак того, что ребёнок осознаёт: звуки речи имеют постоянные значения). **Холофразы** – однословные высказывания: в слове заключён смысл целого предложения (русские авторы часто говорят в этом случае о **словах-предложениях**).

Знать о последовательности развития речи, и особенно о «вокабулах» и «холофразах», важно: очень часто родители переживают, не слыша понятных слов, между тем ребёнок уже, фактически, произносит целые высказывания – просто они не опознаются! Родители бьют тревогу, хотя поводов нет...

Значит ли это, что следует *спокойно дожидаться*, пока ребёнок не заговорит, пока не сравняется по языковому уровню с более продвинутыми ровесниками? (Как написала участница одного из форумов: *заговорит, не беспокойтесь – вы когда-нибудь видели немого школьника?*) Нет, действовать надо. Вместе с тем иногда бывает полезно для начала спокойно приглядеться к речи ребёнка. Скорее всего, окажется, что он, пусть медленно, но продвигается со ступеньки на ступеньку – развитие идёт (своим чередом). А это значит, есть повод для оптимизма...

Отличаются ли (судя по книгам) сроки овладения речью у детей из разных стран, то есть у детей, говорящих на разных языках?

Разница в представлениях авторов связана, большей частью, с разным наполнением терминов (или с тем, что некоторые из них в ходу в одной стране, а в другой не приняты или только входят в оборот). В общем и целом, принято говорить о «лингвистических универсалиях» в речи детей: «все они лепечут в возрасте от 4 до 6 месяцев, произносят первое слово к 12–13 месяцам, начинают комбинировать слова к концу второго года, узнают значение многих тысяч слов и конструируют огромное количество грамматических предложений к возрасту 4–5 лет» (Шеффер; 506).

И всё же: если русский специалист связывает первые слова с возрастом от 9,5 месяцев, американский решительно говорит о том, что первые слова дети произносят после года. При этом особо подчёркивает: «считается, что в течение первых 10–13 месяцев жизни дети находятся в **долингвистической фазе** языкового развития» (Шеффер; 518). Родители двуязычных детей, говорящих на английском, кажется, могут сделать «практический вывод»: можно позволить себе расслабиться, можно обождать ещё пару месяцев с напряжённым ожиданием первого слова, со страхами из-за «позднего начала» говорения...

И ещё одно важное различие: американский психолог подчёркивает, что «русские и турецкие дети сразу начинают продуцировать хотя и короткие, но довольно правильные предложения» (Шеффер; 531), объясняя факт тем, что в русском и турецком языках грамматика важнее порядка слов. На этом фоне предложения англоязычных детей не столь совершенны. То есть если английский язык у двуязычного ребёнка достаточно силён, можно ожидать, что развитие речи может выглядеть замедленным.

Ниже – таблица, позволяющая сравнить развитие речи наших детей – и «типичного» одноязычного ребёнка.

Для сравнений я сознательно отобрала не узкоспециальные работы, а те, что адресованы студентам или родителям: есть гарантии, что перед нами устоявшиеся представления о том, как ребёнок осваивает речь. Книги обозначены сокращениями:

Ш = Шеффер Д. Дети и подростки: Психология развития. 6-е изд. СПб., 2003. (Серия «Мастера психологии»).

Б = Белянин В. П. Психоллингвистика. 2-е изд. М., 2004.

Ц = Цейтлин С. Н. Язык и ребёнок: Лингвистика детской речи. М., 2000.

БЛ 1 Борисенко М. Г., Лукина Н. А. Начинаем говорить: (Развитие речи). СПб., 2005. (Серия «Рождаюсь. Расту. Развиваюсь»).

БЛ 2 Борисенко М. Г., Лукина Н. А. Чтобы чисто говорить, надо...: (Развитие общеречевых навыков). СПб., 2005. (Серия «Рождаюсь. Расту. Развиваюсь»).

Рядом с обозначением БЛ данные о сроках «достижений» ребёнка «сведены» воедино из двух книг; временные рамки приведены по принципу: самый ранний и самый поздний из называемых авторами.

Здесь и далее в таблицах слова разных языков обозначены – чтобы сразу бросались в глаза – по-разному: *русское*, *английское*, *немецкое*. Цифры означают возраст в месяцах.

Аня	Алек	Стадия, возраст в месяцах
в течение 2-го месяца		«гуление» [а-аа, уу-у] Ш: 2 Ц: 2 Б: 1,5 БЛ: 2
10: слоги типа [бавава], [мапата]	10: [баба], иногда [мама]	«лепет» [мамама] Ш: 4–6 Ц: 6 Б: 7-8,5 БЛ: 5-6
около 11		Б, БЛ: «модулированный лепет» — 8,5–9,5 Ц: 6–7

<p>15: показала глазки, ротик, папу и маму; узнаёт слова <i>пижама, привидение</i> 16: даёт <i>чашку</i>, приносит <i>носочки, тапочки</i>, показывает <i>мишку, корову</i></p>	<p>15: показывает <i>глазки</i> 16: понимает <i>Дай чашку</i>; показывает части лица, <i>привидение</i> (покрывальце)</p>	<p>Ш: осознают значения слов — 12–13</p>
<p>12: <i>кака</i> = покакала, кататься, 17: [нэ] = нос</p>	<p>17: [нэ] = нос</p>	<p>Ш: «вокабулы» — 10–12 БЛ: «лепетные слова» — 9–10, ударные слоги знакомых слов: [кА] (каша) — 10–24</p>
<p>12: <i>кака</i>, 16: <i>baby, Daddy</i>, 18: <i>boy, girl, shoes, bath, shit</i>, 19: <i>apu</i> = apple, <i>маако, киска</i> = собака, <i>пукока</i> = пупок, <i>пуговка, вода, тихо</i></p>	<p>16: <i>гра</i> = кря, <i>дай</i>, 19: <i>ОК, bye-bye, кака</i></p>	<p>Б: «детские» и звукоподражательные слова — 9,5–18 БЛ: ав-ав, дай, мама, папа — 11; двусложные слова из разных слогов — 20–22, попытки произносить трёх-, четырёхсложные слова — 22–24</p>
<p>21: mein/nein</p>		
<p>20: только английских слов больше 12 29-30: более 100 слов</p>	<p>20: около 8 слов 29-30: около 70</p>	<p>рост словарного запаса Ш: 18-24 — «взрыв наименований» (до 200 слов) Ц: 21 — «период актуализации слов, перехода их из пассива в актив»; до 118 слов Б: 18 — 3–50 слов, 22–24 — до 300 слов БЛ: 15–18 — 3–58 слов, 18–21 — 44–383 слова</p>

<p>12: <i>Кака!</i> 19: <i>Тихо!</i></p>	<p>16: <i>Дай!</i> 19: <i>Кака!</i> <i>Би-би = Пи-пи.</i> <i>ОК. Bye-bye!</i> 20: <i>Ещё! Тихо!</i> 22 <i>Бадú!</i> = Молодец!</p>	<p>Ш: «холофразы» — 12 БЛ: «слова-предложения» — 21–24</p>
<p>25: <i>It's icky! Papi's shoes on!</i></p>	<p>23: <i>All gone!</i></p>	<p>Ш: «телеграфная речь» — 18–24 двусловные фразы — Ц: 18–21 Б: 18–20 БЛ: 24</p>

До двух лет наши (тогда ещё двуязычные) дети, кажется, не слишком отставали от одноязычных...

У обоих были типичные для развития любого ребёнка ошибки в использовании слов (у Алека держались несколько дольше, чем у Ани).

Встречалось **чрезмерное расширение**, или «**лексико-семантическая сверхгенерализация**» (Аня в 1+7 называла сидящую собаку «киска», в 2+6 мармеладом называла, кажется, всё хорошее; Алек в 2+6 «мамой» называл и папу тоже, впрочем, бывало и наоборот: маму звал «папой»). Нередко дети сокращали слова (Алековы усечённые слова были всегда короче, чем Анины: в возрасте 2+10 сочетание слов «около стадиона» Аня повторяла как «диона», Алек же отзывался эхом: «бна»...). В речи обоих детей часто можно было услышать уподобления звуков и расподобления (у Алека их было больше: «тононон» – телефон, «тамины» – витамины, «букики» – кубики, «малёт титит» – самолёт летит – даже в 2+10). Порой оба (и Алек, и Аня), будучи не в состоянии произнести сложные слова, просто имитировали их ритм (эту известную «стратегию» детской речи Алек использовал и в 2+7: «сёсёсё» – колесо).

Впрочем, в языковой биографии наших детей с самого начала всплывали и удивительные (для нас, по крайней мере) факты; некоторым я нашла объяснение позднее, другие остаются необъяснёнными.

Например: когда Александру было 3 месяца, я записала:

Александр выговаривает свое имя (Алек) и четко произносит «ррр».

Начал с того, что научился произносить «р-р-р»!

Можно допустить, что за Алеково имя я приняла так называемую **свирель** (ребёнок выпевает: «аль-ле-е-лы, агы-аы» – правда, происходит это обычно, когда ребёнку 4 месяца). Объяснение Алекову «рычанию» я нашла у Н. Х. Швачкина: младенцы распознают и произносят много больше звуков, чем более старшие дети.

Но вот как объяснить тот факт, что Аня впервые «осознала значение слова» уже... в 3 месяца (опять-таки! «урожайный» был месяц на события...)? Папа носил её из комнаты в комнату, включал и выключал лампу, сообщал об этом – Ане нравилось. И вдруг он заметил, что Аня... отзывается на определённое слово. «Лампу выключили» – смотрит, проверяет...

При этом Аня реагировала не только на смену освещения! «Where is the lamp?» – спрашивал папа, и Аня смотрела туда, где – она уже знала – находится лампа²...

Есть соблазн решить, что наши дети развивались до определённого времени... с опережением! Во всяком случае, их речевое развитие проходило, похоже, без существенного запаздывания.

² Примечание С. Н. Цейтлин: «Думаю, что ребёнок реагировал не столько на слова, сколько на интонацию и знакомую ситуацию. Этот факт был неоднократно отмечен – например, в книге М. М. Кольцовой “Ребёнок учится говорить”».

Таблица: словарный запас в 2,5 года

Ниже – таблица слов, освоенных к 2,5 годам (выписаны только слова из активного запаса, то есть те, какими пользовались сами дети).

Слова сгруппированы по темам (или, точнее, по смысловым сферам быта – как они воспринимаются детьми – и по грамматически-смысловым сферам).

Слова трёх языков, опять-таки, разделены, чтобы легче было оценить словарный запас в каждом языке. «Интернациональные» слова обозначены как единицы того языка, в контексте которого были восприняты. Стрелочки обозначают тенденцию чаще использовать слово определённого языка.

Звукоподражательные и «инфантильные» словечки заключены в скобки. Их в таблице довольно мало³.

Некоторые слова (как правило, из русского детского лексикона) сильно отличаются от «взрослых» – я записывала их так, как слышала (транскрипция НЕ научная), при этом, если произношение неочевидно, ударные гласные указаны. Если слово трудно опознать, добавляла пояснение после знака равенства.

Варианты обозначены косой чертой.

Иногда приводятся примеры полных высказываний (в квадратных скобках).

Для экономии места в «Анином» столбце приведены только те слова, которые в этом возрасте умела говорить исключительно она (то есть это лексика СВЕРХ того словарного запаса, которым в 2,5 года владел Алек).

Аниных слов в таблице помещено МЕНЬШЕ, чем она реально использовала: я в какой-то момент перестала за ней записывать, так как стало очевидно, что общий (в трёх языках) словарный запас сравним с тем, который специалисты «прогнозируют» одноязычным детям в этом возрасте.

³ Мы почти не разговаривали с детьми специальной «детской» речью («Вот идет ав-ав...») и практически не учили малышей «детским словам». Разве немногими: «бо-бо», «ам-ам», «пи-пи» – для быстроты понимания; но всё это звучало сразу же наравне с нормальными «взрослыми» словами. Мы следовали советам немецких педагогов и лишь позднее обнаружили, что в России отношение к «языку нянь» иное (см., например, у С. Н. Цейтлин: в семье, где слова типа БИ-БИ и АВ-АВ презираемы, ребёнок начинает говорить позднее... – Цейтлин С. Н. Язык и ребёнок: Лингвистика детской речи. М., 2000. С. 45. Впрочем, как замечает автор, специальных исследований относительно влияния «языка нянь» на речевое развитие русских детей пока нет – Там же. С. 31).

Тема	Алек	Аня (дополнительно к Алековым)
имена	<i>Аня</i> [и о себе!], <i>Ляля</i>	<i>Le-Roy, Lotte, Amelie, Anna</i>
окружающие	<i>мама</i> [и о папе!], <i>papa</i> , <i>деда</i> = дедушка, <i>дяда</i> = дядя, <i>тёта</i> = тётя, <i>baby</i>	
тело	<i>гаас</i> = глаз, <i>нос</i> , (<i>ауа</i>) = больно	<i>зубы</i> , <i>ухо</i> , <i>волёсики</i> = волосики, <i>пукока</i> = пупок, <i>naked</i> [Annie naked]
гигиена	<i>(би-би)</i> = пи-пи, (<i>кака</i>)	<i>горшок</i> , <i>Toilette</i> , <i>bath</i> , <i>diaper</i>
сон		<i>подуха</i> = подушка, <i>одияя</i> = одеяло

Тема	Алек	Аня (дополнительно к Алековым)
еда	<i>yogurt</i> , <i>каса</i> = каша, <i>banina</i> = banana, <i>apple</i> , <i>соку</i> , <i>маака</i> = молока, <i>тяю</i> = чаю, <i>sosa</i> = sauce	<i>картоха / картоша</i> = картошка, <i>моркоха</i> = морковь, <i>петруха</i> = петрушка, <i>хеба</i> = хлеба, <i>воды</i> , <i>суп</i> , <i>яга</i> = ягода, <i>сосика</i> = сосиска, <i>сухалека</i> = сухарик, <i>сметана</i> , <i>маса</i> = масло, <i>мамаяма / мамадад</i> = мармелад, <i>каля</i> = шоколад, <i>нога</i> = виноград, <i>tea</i> , <i>pear</i> , <i>onion</i> , <i>Keks</i> , <i>Wasser</i> , <i>Papaloni</i> = Tortelloni, <i>Mlamlamla</i> = Wassermelone, <i>apu</i> = apple, <i>шакан</i> = стакан, <i>fork</i> , <i>ёзика</i> = ложка
болезни		<i>сопа</i> = сопля, <i>таминны</i> = витамины, <i>коба</i> = микробы [«помыли коба» = смыли микробов]
одежда, аксессуары	<i>socks</i> , <i>носок</i>	<i>шапа / шап</i> = шапка, <i>пуга</i> = пуговица, <i>тусика</i> = трусики, <i>undies</i> , <i>кофа</i> = кофта, <i>станики</i> = штаники, <i>тапа / тапи</i> = тапка / тапки, майка, <i>Schal</i> , <i>shoes</i> , <i>shirt</i> , <i>vest</i> , <i>socks</i> → носок, <i>сумака</i> = сумочка, <i>label</i>
интеллектуальное		<i>бамаха / бубака</i> = бумага / ма́ся = бумажка, <i>Buch</i> , <i>киза / кига</i> = книжка / книга, <i>каласа́</i> = карандаш

Тема	Алек	Аня (дополнительно к Алековым)
игры, игрушки	<i>песок, dedó</i> = ведро, <i>матц</i> = мяч → <i>Ball</i> , <i>пидени</i> = привидение	<i>бабалян</i> = барабан, <i>ксафон</i> = ксилофон, <i>шар, balloon, дукa / дудука</i> = «дудулька», т.е. пустышка («семей- ное слово»), <i>Upsala!</i> , <i>dragon, Teddy-Dog</i> = Teddy-Bär + Daisy Dog
взрослый мир		<i>lady, fuk</i> = flag, <i>shit</i> , <i>Feierabend</i>
комната		<i>лапа</i> = лампа, <i>малила- па</i> = маленькая лампа, <i>тефалон</i> = телефон
прогулка		<i>камейка</i> = скамейка
транс- порт	<i>масина</i> = машина, <i>train</i>	<i>коляся</i> = коляска, <i>малёк / малёт</i> = само- лёт, <i>tricycle, cinet / лесенет / писюка</i> = велосипед, <i>hopaYapa</i> = helicopter
природа	<i>кися</i> = киса, <i>миса</i> = Миша, <i>Мишка</i> , <i>мышь</i> = мышь, <i>(ав-ав)</i> = собака	<i>слон, лев, horse, tiger</i> , <i>бияна</i> = обезьяна, <i>ка- кидил</i> = крокодил, <i>зеба</i> = зебра, <i>dog</i> → <i>собака</i> , <i>заяц, белжа, корова</i> , <i>Bär, fuk</i> = frog → <i>ля- гуха</i> = лягушка, <i>duck</i> , <i>писица</i> = птица, <i>гусь</i> , <i>(уууааа)</i> = кукабуру, <i>Paragei</i> , <i>рыба, lady bug</i> , <i>loon; bug, Blume, sun</i> , <i>moon</i>
речевой этикет	<i>Tschüs! bye-bye!</i>	
счёт	<i>ein, zwei, drei, vier</i>	

Тема	Алек	Аня (дополнительно к Алековым)
действия и т. п.	<i>ся!</i> = сядь, <i>дай</i> , <i>чинить</i> , <i>акиа</i> = открыл(а), открыть [акиа соку = открыть сок], <i>акика</i> / <i>акыта</i> = открыто, <i>кусить</i> = кушать, <i>пити</i> = пить, <i>пит</i> = спит, <i>онаа</i> = упал(а), <i>мить</i> = мыть, <i>чистить</i> , <i>gone</i> [All gone]	<i>kommt</i> [komm hier; komm, Schatzi], <i>закой</i> [закой глазки], <i>коготь</i> = трогать [<i>но коготь!</i> = не трогать], <i>дайнэ</i> = дай, <i>ставай</i> = вставай, <i>садись</i> , <i>ложись</i> , <i>пойдём</i> , <i>assón</i> = aufstehen, <i>пúсать</i> , <i>какать</i> , <i>убая</i> = упала, <i>haben, arbeitet</i> [Papa / Mama arbeitet], <i>мамыла</i> = помыла, <i>нашáа</i> = нашла, <i>поймáа</i> = поймала, <i>пропали</i> , <i>сушить</i> , <i>целую</i> = целую, <i>замаит</i> = ломает, <i>лечить</i> , <i>голэк</i> = гулять, <i>пиг</i> = прыг
качества и признаки	<i>raput</i> = kaputt, <i>сухой</i> , <i>мока</i> = мокрый; <i>тихо</i> , <i>eiss</i> = heiß, <i>hier</i> , <i>more</i> → <i>mehr</i> , <i>ты</i> , <i>meine</i> , <i>masyá</i> = myself → <i>сама</i> = сам, <i>всё</i> , <i>all</i>	<i>маньки</i> = маленький, <i>башой</i> = большой, <i>wet</i> ; <i>хулига</i> / <i>хóлида</i> = холодно, <i>жака</i> = жарко, <i>больно</i> , <i>back</i> , <i>наверх</i> , <i>бегом</i> ; <i>moi</i> , <i>myself</i> , <i>yourself</i>
отношение, оценки	<i>бьяка</i> , <i>OK</i> , <i>nein</i> , <i>нельзя</i> , <i>бади</i> = молодец, <i>nicht</i> , <i>no! los! weg!</i>	<i>lecker</i> , <i>icky</i> , <i>хаашо</i> = хорошо, <i>yummy-yummy</i> , <i>meine Güte!</i> , <i>не!</i> = отказ [<i>моркоха</i> – <i>не!</i> = не буду есть морковь, <i>носок</i> – <i>не!</i> = не буду надевать носки], <i>need</i> , <i>Schatzi</i>
прочие слова	<i>auch</i> , <i>ещё</i> , <i>it</i>	<i>дугой</i> = ещё [<i>дугой сопна</i> = есть ещё сопли]

Тема	Алек	Аня (дополнительно к Алековым)
неразгаданное	« <i>хахайде</i> » = nach Hause? сухарик?	« <i>Аннеким</i> » = Аня-Kind, Aniseed, Аня get, Аня кекс? « <i>секс</i> » — socks, Keks, киса?

Удивителен явный численный перевес более сложных русских слов – это, видимо, и есть одно из оправданий немецкого понятия «материнский язык». Алек, например, мог сказать больше 40 русских слов – и лишь 15 английских и 16 немецких.

Странным образом немецких слов больше, чем английских (у Алека! у Ани пропорция всё-таки обратная) – показатель «силы» языка? Сейчас с трудом верится, что освоение немецкой лексики в немецком саду шло такими стремительными темпами, что английский «отстал»; может быть, какую-то часть английских слов я пропустила мимо ушей, не опознала, не записала вовремя? Нет, вряд ли...

Продвижение в немецком, как задним числом становится ясно, пошло «по Камминзу» (James Cummins). он утверждает, что так называемая коммуникативная способность развивается во втором языке быстрее, чем в первом.

* * *

Попадает ли развитие трёхязычного ребёнка в намеченные специалистами для одноязычных детей рамки? И если выпадает из этих рамок, то насколько серьёзные отклонения?

По таблицам видно, что наши малыши практически не «отставали» до 2-х лет.

Проблемы возникли в возрасте после двух, и большей частью у нашего сына. Так, позднее, чем можно было ожидать (после 2,5 лет), состоялось описанное многими авторами лавинообразное нарастание запаса слов...

Проследить, как дальше развивались языки, сравнить результаты у наших и у одноязычных детей – эти ответственные задачи, пожалуй, для особой (скорее научной) работы.

Здесь же хочется поделиться одним «открытием», которое нас очень ободрило (хочется верить, и родителей других мультилингвов обнадёжит).

Лена Алексеевна и Борис Павлович Никитины, пионеры идеи «раннего развития» в России, однажды составили схему «опережающего развития» своих детей (Никитины Б. П. и Л. А. Мы, наши дети и внуки. М., 1989.) («Нормы», которые в этой таблице приводятся, взяты, правда, из русских официальных документов середины 60-х годов.) Вот эта схема, в виде таблички и с добавлением наших успехов (в русском языке). Цифры означают возраст: количество лет.

	«нормы»	Никитины	Аня	Алек
понимание слов	2	1	1+3	1+3
говoreние 1–12 слов	2	2	1+8 — 12 слов	1+8 — около 8 слов
говoreние фразами	3,5	2	2+1	первая фраза 1+11
счёт до 2	5,5	после 2	в 2+10 — считала до 8	2+10
3–4 буквы	7,5	3	1+10	5
начало чтения	8	3	после 5	после 5

Получается, развитие наших детей в «материнском языке» ближе к «раннему», чем к «нормальному»...

Все эти выкладки сделаны, понятно, не для того, чтобы хвастаться достижениями отпрысков. (Да не нужно нам «раннего развития»! нам вполне хватает «своевременного» – такого, что сообразно нашим возможностям и не слишком «выламывается» из «типичных» – примерных! – возрастных границ.) Сравнения предприняты с целью «самотерапии». И адресованы мамам и папам. Одержимым всевозможными тревогами, переживающим из-за речи их многоязычных малышей.

Даже сейчас (и даже в Берлине!) некоторые врачи и педагоги настоятельно советуют родителям отказаться от многоязычия, и родители слушаются советов. На детских площадках то и дело встречаются мамы, которые стесняются того, что ребёнок плохо говорит (по-русски ли, по-немецки ли). Дедушки и бабушки пытаются утешать молодых родителей: «Нашему ребёнку труднее, чем другим! он же всё-таки не с одним языком растёт!» А мамы всё сравнивают, расстраиваются, впадают в панику...

Сравнениями хочется этих мам успокоить. Вполне МОЖЕТ БЫТЬ, дети развиваются сообразно возрасту, в рамках «нормы» (по крайней мере, в одном языке!). Может статься, через несколько лет мамы вспомнят пустые тревожления с усмешкой и недоумением...

Итак, мамам надо бы прежде всего расслабиться и спокойно, по мере сил заниматься с ребёнком родной речью. Но также и наблюдать, формулировать проблемы по возможности конкретнее и «смотреть в корень».

* * *

Все эти годы мы жили со стойким ощущением «отставания» – нашего сына. Ощущение это было не вполне беспочвенным. Оно возникло, когда сын в 2 года (в детском садике) на некоторое время почти замолчал. Он «отказывался» учить новые и использовать старые слова.

Позднее ощущение «отставания» поддерживалось тем, что сын много медленнее, чем дочь, усваивал новые слова и правила.

И ещё тем, что ошибки у нашего сына держались годами.

Это были, прежде всего, многочисленные неправильности в немецком: хаос в склонении, прошедшее время сильных глаголов – нередко по образцу слабых.

Впрочем, до поры до времени немецкий нас мало волновал: заведомо «сильный язык», казалось, рано или поздно выправится «сам». (Так это или нет, можно спорить. Я в своём тогдашнем убеждении не стала бы упорствовать...)

Ошибки в английском нас тоже до некоторого времени не слишком заботили. У Д. Шеффера встречается указание на то, что английские дети и вообще начинают говорить правильно позднее, чем русские. объяснение: грамматические признаки слова в русском очень важны, вот и усваиваются быстрее.

В русской речи сына казалось досадным неправильное склонение. Со спряжением, по крайней мере с представлением о его правилах, у сына проблем не было.

Кроме того, оказалась чрезвычайно устойчивой определённая группа ошибок. Во всех трёх языках. Ошибки эти продержались особенно долго не только у Алека, но и у Ани! У Алека вообще почти не было заметно перемен к лучшему... **КАТЕГОРИЯ РОДА** – вот что оказалось камнем преткновения для обоих наших детей. У малышей долго вызывали большие трудности

- замена существительного правильным местоимением;
- согласование в роде местоимений и прилагательных с существительным;
- изменение глаголов прошедшего времени по родам;

– в общем, всё, связанное с родом! причём неправильности появлялись и тогда, когда наши дети рассказывали друг о друге, и даже о себе...

У наших трёхлетних близнецов парадоксы родового самосознания были особенно заметны.

Когда детям было 3+3, Анины ошибки в роде зеркально отражали Алековы: он говорил о себе в женском роде, она – в мужском. То есть дочь сообщала: «Я пописал», а сын жаловался: «Я упала»...

С «неусвояемостью» категории рода мы боролись годами. От «пробуксовывания» начали избавляться довольно поздно.

У четырёхлетних детей замечена была такая странность: если обращать внимание на форму рода, прямо спрашивать о том, как сказать, отвечали дети чаще правильно, чем неправильно. У нас начала появляться надежда на то, что ошибка, наконец, уходит из речи детей.

Лишь в 4+9 (после очередной поездки в Россию) Аня овладела правильными родовыми формами (для мужского и женского рода) и начала даже корректировать речь Алека. Венцом усвоения категории стало Анино грамматическое наблюдение в 5+8:

Аня: «Папа – как девочка!» Сказала и смеётся. Я не сразу поняла, о чём она. Потом дошло: она заметила, что «папа» склоняется как слова женского рода.

В случае Алека борьба длилась дольше и шла с переменным успехом.

Когда сыну исполнилось 5+3, иногда казалось, что он, наконец, освободился от ошибок в формах с участием рода. В 5+5 Алек, высказавшись неправильно, поправлялся... Однако в его 5+9 совершился очередной откат, все ошибки вернулись. (Результат поездки в Америку и усиления английского языка, в котором род не столь важен?)

«Выяснение отношений» с языками

Какую-то часть наших трудностей можно было предвидеть. Они неизбежны, если ребёнок растёт многоязычным. Иногда то, что родителям кажется проблемой, – всего лишь особенность развития многоязычного ребёнка.

Речь идёт прежде всего о «смешанном языке», на котором говорят дети на втором году жизни. Или о «сопротивлении» многоязычию в возрасте около трёх лет. Эти явления давно известны и подробно описаны в книгах о многоязычном воспитании; жаль, что эти знания часто остаются неизвестны родителям...

Исследователи двуязычия обнаруживают определённую схему вхождения ребёнка-билингва в языки.

В первые полтора-два года жизни у него с каждой вещью или действием прочно связывается лишь одно слово, из одного или другого языка. Образуется некий смешанный лексикон из слов обоих языков, ребёнок пользуется им в разговорах с обоими родителями.

То есть поначалу малыши фактически используют несколько языков как один. Строят из кирпичиков разных языков одно языковое здание, по метафоре Вернера Леопольда (Werner Leopold), немецкого лингвиста, автора одного из самых известных дневников двуязычного воспитания.

Лишь позднее ребёнок осознаёт своё двуязычие, начинается разделение языков.

Об этом подробно пишет и Трауте Тэшнер (Traute Taeschner) – лингвистка, немка, вышедшая замуж в Италию; в своём дневнике, ставшем основой диссертации, она прослеживает языковое развитие двух дочерей.

По Тэшнер, дети из смешанных семей, осваивая языки, проходят 3 стадии.

О первой стадии (смешанный лексикон) уже говорилось.

На второй ребёнок выучивает слова-эквиваленты. **Вторая стадия** наступает тогда, когда ребёнок начинает различать «язык папы» и «язык мамы». Когда начинает понимать, что родители говорят на разных языках – с папой нужно беседовать на одном, с мамой – на другом. Только в это время языки в сознании ребёнка начинают наконец разделяться.

На **третьей стадии** дифференциация языков углубляется. Некоторые дети сами настаивают, чтобы каждый из родителей говорил только на «своем» языке! Иногда в этом требовании дети бывают даже последовательнее и строже взрослых... Кроме того, в это время интенсивно осваиваются языковые системы в целом.

У девочек Тэшнер первая стадия началась в возрасте 1+1 (у первенца) и 0+11 (у младшей дочери), вторая – соответственно в 2+3 и 1+8, третья – в 3+2 и 2+4.

А как это было у нас?

* * *

Наши дети (как и все мультилингвы) поначалу выстраивали «единый язык». Язык-гибрид! Как Анин «Teddy-Dog» (Teddy-Bär + Daisy Dog – у Ани в 2,5 года).

До садика он состоял в основном из русских и английских слов, немецкие слова были редки.

Иногда наши дети применяли слова папы, мамы и приятелей с детской площадки параллельно. Например, наш Алек в 1+10 на просьбу сесть на горшок категорически возражал всеми доступными ему способами: «Nein, нельзя, nicht, no!» Хотя рядом в этот момент была только я...

Эпизод, казалось, говорил о созревающем многоязычии (ребёнок открыл возможность сказать об одном и том же – на разных языках, речь обрастает «эквивалентами!»). Однако радоваться было рано.

Маленький мультилингв, конечно же, не только понимает, но и запоминает разные («папины» и «мамины») названия одной и той же вещи. Однако в его сознании они до поры до времени не являются словами **разных** языков, разных языковых систем.

Дело в том, что для малышей «папины» и «мамины» слова поначалу взаимозаменяемы. Можно сказать, они воспринимаются как одноязычные синонимы, которые можно ведь и вместе свести: для усиления впечатления, «для выразительности». Так Алек, в вышеописанной сцене, нагромождал все известные ему слова-отрицания для того, чтобы отказ был убедительнее – чтобы мама поняла: решение окончательное, обсуждению не подлежит...

Надо сказать, в роли синонимов русские, английские и немецкие слова сын использовал довольно долго. Вот пример из более позднего времени, со словами, которые, казалось бы, ничего общего друг с другом не имеют. Когда Алеку исполнилось 2+10, у него «синонимами» стали «папут», то есть kaputt, и «убая» = упала. «Папут» у Алека довольно долго было словом едва ли не всеобъемлющим. Оно означало не только поломку, но и использовалось в смысле: «непорядок!», «что-то не так». «Убая» – понятие столь же «всеохватное» – превратилось в русскую замену универсального немецкого слова, поистине синоним...

У дочери поворот к различению и разделению разных языковых систем совершился раньше. Уже в 2,5 года она высказалась о соотношении языков: «Мама – маако, папа – milk». В 2+8 она «переводила» на «мамин» язык с «папиного» (демонстрируя умение правильно надевать штаники): «Label back – лэйбл сзади». Третий язык (в 2 года дети начали посещать немецкий садик) в Анином случае практически не затормозил процесс разделения родительских языков...

Дочь и дальше уверенно шла той же дорогой по направлению к языковой чистоте. В 2+10 в немецком садике Аня перевела мне – уже не с английского, а с немецкого – требование чьей-то мамы: «Nicht weinen!» – «Не плакать!» Наконец, в Анины 3+1 произошёл (во всяком случае, именно тогда был нами зафиксирован), так сказать, второй раздел «языковых территорий». Аня принесла из садика новое слово – и «привязала» его к «ответственному» носителю языка: «Helga – Rock» (Хельга – воспитательница детсадовской группы). Немецкий, язык детского сада, утвердился рядом с родительскими английским и русским.

У Алека же практически не было сначала «первого», а затем «второго» передела языковых полей. Кажется, у сына «благодаря» садика произошёл как бы откат к начальной стадии многоязычия. В свои 2+7 Алек всё ещё не использовал разноязычные дубликаты. И смешивал языки: «бага да» (lightning bug da – немецкое слово «da» заменяет английское there). Иногда все три языка встречались у сына в одной и той же фразе. В трёхязычном Алековом аграмматизме «work нет» («не работает»; 2+10) отрицательная частица стоит в конце, как в немецком, однако она русская, а глагол – английский!

Период «единого языка», состоявшего поначалу из двух языков, позже – из трёх, у Алека затянулся...

Всё же наращивание соответствий шло – и в 3+3 Алек, наконец, разделил «сферы влияния» языков. Он, например, говорил маме: «Открыть!», а отцу: «Open!» В 3+5 «передел территорий» закончился. Хельга, «главная» представительница немецкого, встала в тот же ряд, что и мама с папой. Я отмечала в дневнике: Алек всё чаще «рассуждает» о том, что у Хельги одни слова, у мамы – другие.

* * *

А дальше... К трём годам немецкий превратился в особый язык брата и сестры. Язык некоего сообщества, некой «субкультуры» / микрогруппы внутри нашей семьи. Для меня свидетельством этого стала такая сценка: я попросила Алека говорить тише, чтобы не будить папу, – он... перевёл сестре (которая вообще-то была рядом и слышала мою просьбу!): «Leise!»

Пару раз нам впрямую объявляли «языковую независимость»: я просила перейти на русский – и слышала в ответ нечто вроде: ну, мы же друг с другом играем!

Мы не без страха ждали, что немецкий вовсе вытеснит наши языки из обихода... Мы уже знали о том, что с этой «опасностью» встречаются многие родители. В первый раз – когда маленьким мультилингвам исполняется около трёх лет.

Многие авторы описывают эту закономерность. Где-то на границе второй и третьей стадий многоязычия появляется новая проблема – фаза отказа, маленькие мультилингвы осознают, что один из языков используется большинством окружающих, – и пытаются перейти на этот язык!

Такой этап прошли двое из троих детей учёного Джорджа Сондерса (George Saunders; живя в Австралии, он хотел привить детям немецкий). Этот этап длился несколько месяцев: у старшего сына Сондерса – с 3+5 до 3+10, у среднего – с 2+7 до 3 лет. (Только младший ребёнок, девочка, никогда не отказывалась говорить по-немецки, то есть на «слабом» языке...)

У нас нечто подобное тоже было. Но прежде чем говорить об этом, приходится сделать одно уточнение.

* * *

Одно дело – отказ говорить на «языке меньшинства», другое – выбор одного из «эквивалентов» в самом начале языковой жизни ребёнка. Он может быть вполне сознательным и решительным!

К концу периода «единого» языка наши малыши не просто игнорировали дубликаты, но... активно сопротивлялись им. Просто знать их не желали! Разыгрывались сценки, вызывавшие жалость и смех: в 1+8 Аня сердилась на папино «milk»:

«Маако»! Почти кулачком по столу стукнула. (А со мной спорила о «чае»: «Tea!»)

Дело тут было не в слабости или силе одного из языков (не случайно Аня отстаивает то русское, то английское название). Так проявлялся «языковой прагматизм» малышкой, которые терпеть не могут «излишеств» в виде двойных названий одного и того же – и пытаются облегчить себе жизнь, вытесняя из речи одну из разноязычных словесных параллелей.

У Алека на этой почве сформировалась, можно сказать, довольно последовательная линия поведения. Он вполне сознательно выбирал простейшие слова из разных языков, заменял простыми вариантами более сложные.

Всё ещё трудно даётся различение слогов: «горячо» – сказал «сёсёсё», понял, что неправильно, «исправился» [...] – «heiß»: заменяет трудное слово одного языка – простым другого.

У Алека определяется стратегический вариант в обращении с языками, похоже, в худшем варианте: он пытается свести 3 языка к одному. Т. е. выбирает из трёх слов одно – выученное первым, самое простое (практически, выученное первым и есть почти всегда простейшее). Иначе говоря, называет молоко milk и отказывается использовать другие слова. Не сердится, не

поправляет нас, как когда-то Аня, просто целеустремлённо и уверенно утверждает своё право говорить так, как ему заблагорассудится. (2+7)

«Рецидивы» такой «экономии сил» у Ани случались и позднее; например, в 3 года:

сердится на моё «вулкан», поправляет: volcano; удовлетворилась не столько моим разъяснением, что у папы и мамы разные слова, сколько тем, что lava оказалась и у меня лавой.

Алек же своей «стратегии» сохранял верность ещё дольше...

* * *

Отдалённое представление о «фазе отказа» мы получили тогда, когда дети попытались навязывать каждому из нас слова «языка большинства» – немецкого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.